

В.А. Тихонов

*Соискатель кафедры истории России
средних веков и нового времени
Московского государственного
областного университета*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАНДМИЛИЦИЯ: 1711–1719 ГОДЫ

Аннотация

До сих пор среди ландмилицких группировок русской армии XVIII в. не упоминают Санкт-Петербургскую ландмилицию. По вновь вводимым в оборот документам Российского государственного военно-исторического архива можно предположить, что существовала она в 1711–1719 гг. и набиралась по специальному ландмилицкому набору с 10 дворов, объявленному не центральными властями, а санкт-петербургским губернатором.

В начале XVIII в. ландмилицией¹ в Европе было принято называть любые полурегулярные войска. По такому определению ландмилицией должны считаться, например, донские казаки. Позаимствовав этот термин на Западе, в России придали ему более узкое значение. Российская ландмилиция – однодворческие или поместные войска, существовавшие до конца XVIII в., разновидность поселенных войск, использовавшихся в основном для охраны южных границ от набегов кочевников.² Распоряжение об организации первых ландмилицких частей в России (8 полков, 11 тысяч человек), судя по опубликованным источникам, вышло в 1712 г. Формирование этих войск началось в 1713 г. в Киевской губернии из однодворцев Азовской и Киевской губерний.³ Они несли гарнизонную службу в городах Киевской губернии (Киев, Полтава, Нежин, Переяславль, Белгород, Курск, Старый Оскол). Эта ландмилиция была расформирована в 1719 г. В 1722 г. ландмилиция на южной границе была сформирована заново, но в 1723 г. вместо нее стали набирать первые конные гусарские полки по образцу сербских и валашских гусар в армии австрийского императора.⁴ Спустя всего три месяца в том же году ландмилиция была снова восстановлена, но уже в качестве конницы.⁵ На этот раз численность ее не была точно установлена. В ходе подушной переписи следовало установить число однодворцев, которых велено было обложить подушной податью в 1,1 руб. в год на человека, из которых 0,4 руб. в год шло на содержание «нерегулярной» конной ландмилиции из этих же однодворцев. «Нерегулярность» этой службы состояла в том, что войска собирались только на время кратких ежегодных учений и по мере необходимости (для поочередного патрулирования границы и для отражения набегов кочевников, когда они случались), а в остальное время «ландмилицы»⁶ жили по своим домам. Однако офицеры в этих войсках служили на регулярной основе. Две трети ландмилицев вооружались, кроме обычного вооружения нерегулярного конника (копье, сабля и пара пистолетов), еще и

карабином. В России в XVIII в. существовало несколько ландмилицких группировок – Украинская, Закамская, Сибирская, Камчатская и Смоленская.⁷ На основании вновь вводимых в оборот документов удается установить существование еще одной российской ландмилиции, самой ранней по времени возникновения – Санкт-Петербургской ландмилиции, существовавшей в 1711–1719 гг. Некоторые черты существенно отличают эту первую русскую ландмилицию от прочих подобных группировок.

Впервые упомянул о ландмилицких солдатах на Балтике И.И. Голиков в своем обширном труде, посвященном Петру I. К 1716 г. историк относит распоряжение царя о создании в Ревеле четвертого полка из ландмилицких солдат. Царь предписал в свободное время использовать этих солдат на работах в Ревеле и в Кронштадте. Никаких пояснений к этому указу И.И. Голиков не дает.⁸ Использует этот указ и М.Д. Рабинович в своем справочнике по полкам петровской армии. По его сведениям этот полк нес службу в Ревеле в 1716–1719 гг. и назывался по имени своего командира Шепелевым. При организации этого Шепелева ландмилицкого полка в 1716 г. в него была переведена часть личного состава из Ревельского гарнизонного полка – офицеры, унтер-офицеры и рядовые, пригодные для обучения вновь набранных ландмилицев.⁹ Дата расформирования этого полка (1719 г.) обозначена М.Д. Рабиновичем только предположительно. Никаких разъяснений по поводу ландмилицкого характера этого полка и того, что Петр называет его четвертым, также не дается.¹⁰

Ландратской переписью 1715 г. были зафиксированы в селе Зеленцово Угличского уезда (вотчина капитана Преображенского полка А.А. Блохина) 4 ландмилицких двора.¹¹ Опубликованы результаты рекрутских наборов за 1706–1723 гг. с города Бежецка: из 45 рекрут 8 было взято в ландмилицы, причем здесь ландмилицы представлены в качестве отдельной от «солдат» и «драгун» категории военнослужащих.¹² В обоих этих случаях исследователи случайно наткнулись в используемых ими документах на следы существования Санкт-Петербургской ландмилиции и никак не прокомментировали свои находки.

Решающее значение для установления факта существования Санкт-Петербургской ландмилиции в 1711–1719 гг. имеют неопубликованные документы канцелярии Военной коллегии, относящиеся к 1719–1720 гг.¹³ В списках рекрут, присланных в Военную коллегию при наборе в 1719 г., некоторые помещичьи и монастырские крестьяне одновременно числятся также и ландмилицкими солдатами, зачисленными на эту службу по набору, объявленному в 1711 г. из Санкт-Петербургской губернской канцелярии по норме одного рекрута с 10 дворов. Судя по нескольким «сказкам» беглых рекрут в 1719–1720 гг., по этому набору брали рекрут еще и в 1719 г. Так как Санкт-Петербургская ландмилиция в этом году уже была ликвидирована, то на службу рекрут направляли уже в обычные, а не в ландмилицкие полки. В Санкт-Петербургской губернии ландмилицы набирались в Бежецком, Псковском, Угличском, Ярославском, Кашинском, Старорусском, Новгородском, Новоторжском уездах, в Новоторжском посаде, т.е. не во вновь присоединенных бывших шведских территориях, а в тех местностях губернии, которые отличались высокой плот-

ностью русского населения. К 1720 г. относится справка о недоимке рекрут по ландмилицкому набору с 10 дворов, объявленному из Санкт-Петербургской губернской канцелярии, с Пошехонской провинции.

К 15 апреля 1719 г. относится «ведение» о присылке рекрут из Санкт-Петербургской губернии с именной «рописью» присылаемых за подписью солдата Преображенского полка Н. Гаевского и ландрихтера Манукова.¹⁴ Рекруты присылаются в новый набор 1719 г. с 50 дворов и по рекрутским недоимкам прежних лет. Именная «ропись» содержит сведения о 90 рекрутах. О 67 из этих рекрут указано, что они «наряду 711 году лант миницкие салдаты». Для каждого рекрута указаны имена и фамилии (для некоторых из них неясно, фамилии это или отчества, что обычно для подобных документов этого времени), их села, деревни или «приселки» (кроме единственного исключения – монастырский служка, не числившийся ни за каким селом). Возле имен оказавшихся по смотру в Военной коллегии негодных к службе рекрут указана причина их негодности пометами: «плох», «правой рукой и ногой дряхл», «слеп», «у левой руки пест свело, к доктору», «плох и левой ногой дряхл», «у левой руки большой палец свело». Из Бежецкого уезда происходило 33 ландмилицких солдата, из них негодными к службе признаны 5 человек. Из Угличского уезда – 23 ландмилицких солдата, из них 5 негодных. Ярославский уезд – 5 ландмилицев, негодных нет. Кашинский уезд – 36, из них 1 негоден. Для всех рекрут указаны их владельцы. Все 67 ландмилицких солдат из этой именной «рописи» принадлежали «Невскому» (очевидно, Санкт-Петербургскому Александро-Невскому) монастырю. Только один ландмилицкий солдат из Бежецкого уезда назван монастырским служителем и для него не указана деревня или село. Одиннадцать из этих 67 ландмилицких солдат по смотру оказались не годны к службе (16%). Для рекрут из этой именной росписи, не состоявших до набора в ландмилиции, подобный показатель составляет 22% (5 человек из 23).

14 июля 1719 г. датирована следующая именная «ропись» рекрут, присланных из Санкт-Петербургской губернии в Военную коллегию. Одиннадцать рекрут из этой «рописи» в момент набора были не только помещичьими или монастырскими крестьянами, но и «наряду 711 году набору з 10 дворов лант миницкими салдатами». Из Старорусского уезда происходят 3 ландмилица, все – крестьяне Александро-Невского монастыря (присланы «судьей» монастыря С. Головачевым). Из Дретенского погоста – М. Гаврилов, из деревни Псковитиново Воскресенского погоста – С. Антипов, из деревни Дерелица Славитинского погоста – П. Маривсков.¹⁵ Помещик Ярославского уезда С. Телепнев через своего «человека» (то есть управляющего) отдал в службу своего крестьянина деревни Поречья Т. Никитина, о котором указано, что этот крестьянин – «наряду 711 году набору з 10 дворов лант миницкий салдат».¹⁶ Из Бежецкого уезда в этой росписи к ландмилицам отнесены еще 3 помещичьих крестьянина (один из них уже «в нетях», то есть бежал дорогой), 2 крестьянина Алексеевского девичьего и один крестьянин Николаевского Антонова монастырей.¹⁷ Ландмилицким солдатом был присланный в набор крепостной из имения князя Троекурова (Ярославский уезд).¹⁸

Еще одна именная «роспись» относится к рекрутам из Новоторжского уезда и посада и датирована 1 августа 1719 г. Первоначально в рекруты было послано восемьдесят ландмилицких солдат, но из них бежало дорогой до Санкт-Петербурга шестеро. Еще тринадцать оказались на смотре негодными к службе. Губернские власти выслали «с тех же поместий» взамен бежавших и негодных еще 19 человек с 10 провожатыми для воспрепятствования побегам. Из этих 19 монастырскими крестьянами были 4, посадским человеком – 1, прочие – помещичьими крестьянами. Но на смотре и из этих трое оказалось негодными к службе (у всех – болезнь ног).¹⁹

Информация о ландмилицком наборе 1711 г. с 10 дворов в Санкт-Петербургской губернии содержится не только в именных «росписях» рекрут, но и в нескольких «сказках» пойманных беглых рекрут. 16 июля 1719 г. один из таких беглых показал в допросе, что взят он «тому ж седьмой год», т.е. примерно в 1713 г., в ландмилицкий набор с 10 дворов из крестьян Вознесенского девичьего монастыря (Псковский уезд), в составе рекрутской команды приведен рекрутским наборщиком во Псков и бежал с псковской рекрутской «станции» (сборного пункта) в Польшу, а потом в Курляндию.²⁰ Набор с 10 дворов в 1713 г. в Санкт-Петербургской губернии, к которой относился и Псковский уезд, предположительно мог быть ландмилицким потому, что столь строгая норма набора (с 10 дворов) по всей стране в это время уже не применялась. При Петре I набор с 10 дворов, кроме ландмилицкого в Санкт-Петербургской губернии в 1711 г., проводился только в Московской губернии в 1710 г. Несмотря на то, что в этой «сказке» набор прямо не назван ландмилицким, можно предположить, что именно в этот набор и был набран беглец.

В 1720 г. беглый солдат девятнадцати лет в своей «сказке» показал, что его взяли в службу в 1719 г. по ландмилицкому набору с 10 дворов. В набор приведен он был не в Военную коллегию, как это обычно делалось в то время, а в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию, и там же был определен в службу в обычный пехотный полк на острове Котлин.²¹ Информация из этой «сказки» фиксирует момент, когда ландмилиция в Санкт-Петербургской губернии была уже ликвидирована, но рекруты в ландмилицкий набор, объявленный в 1711 г., еще набирались. Столь большому сроку набора (за 1711–1719 гг. этот набор еще не был закончен) способствовала его очень тяжелая норма – с 10 дворов.

Есть упоминание о наборе рекрут из ландмилицких солдат наряда 1711 г. с Деревской и Бежецкой пятин (разделение на пятины было характерно только для Новгородского уезда).²²

Власти Угличской провинции 25 октября 1720 г. прислали в Военную коллегию группу беглых солдат и ландмилицев, добровольно сдавшихся после очередного указа, пообещавшего прощение беглым. Ландмилицев из них – семь человек.²³ Военная коллегия приказала отправить годных по состоянию здоровья на работы в Адмиралтейство.²⁴

Сохранились «сказки» всех семи этих беглых угличских ландмилицев, датированные мартом – сентябрем 1720 г. Угличский посадский С.М. Братцов

был взят в ландмилицию в 1712 г. в набор с 10 дворов, приведен в Угличскую канцелярию и отпущен «до указа» домой. В 1716 г. был послан на службу в Санкт-Петербург с дворянином И.Г. Свиязовым, но уже в Санкт-Петербурге бежал с постоялого двора «не быв в солдатах». В 1719 г. услышал об указе о прощении добровольно явившихся из бегов солдат и рекрут и сдался властям.²⁵ Три крестьянина Троицкого Александро-Невского монастыря (Угличский уезд, Городской стан села Клеметево и Прилуки) Х.Н. Татурдин (25 лет), Е.Г. Гоголев (25 лет) и Е.И. Марай (45 лет) были взяты в 1713 г. в Угличе в ландмилицкий набор с 10 дворов, отпущены домой до указа и жили дома до 1716 г. В этом году комиссар Александро-Невского монастыря Р. Маслов взял их под расписку на службу при монастырской вотчине в селе Присеки (посыльная служба и охрана казны). В 1720 г. новый комиссар монастыря Шептев отправил их в Александро-Невский монастырь в Санкт-Петербург. С дороги они бежали от голода и от «недачи» жалованья.²⁶ Крестьянин вотчины М.Я. Черкасского (Кашинский уезд, Дубенский стан, деревня Еренево) А.А. Трубин был взят в 1718 г. в ландмилицкий набор с 10 дворов, по дороге в Санкт-Петербург бежал.²⁷ Крестьянин вотчины Новодевичья монастыря (Кашинский уезд, село Семеновское) А.И. Лисин был взят в 1711 г. в ландмилицкий набор с 10 дворов. Четыре года его учили в Кашине и в 1716 г. отправили в Санкт-Петербург и отдали в Ревельский полк (командир – майор, имени которого беглый не вспомнил), откуда он сбежал через 10 недель.²⁸ Крестьянин вотчины Т.Н. Стрешнева (Кашинский уезд, село Новоселки) А. Герасимов был взят в ландмилицы с 10 дворов в 1715 г. и отправлен в Санкт-Петербург. По дороге в Твери бежал.²⁹

Справка от 21 ноября 1720 г. фиксирует недоимку 2 рекрут с Пошехонской провинции по ландмилицкому набору с 10 дворов, возникшую, правда, из-за присылки негодных рекрут.³⁰

Всего, таким образом, известно, как минимум, о 174 ландмилицких солдатах Санкт-Петербургской губернии из примерно 4 тысяч солдат, положенных по штату 4 гарнизонных полков, и из примерно 10 тысяч рекрут, которых должны были набрать, чтобы выполнить план специального ландмилицкого набора (в Санкт-Петербургской губернии числилось около 100 тысяч дворов, подлежащих рекрутской повинности, следовательно, при норме набора 1 рекрут с 10 дворов и получится 10 тысяч рекрут).

Момент создания Санкт-Петербургской ландмилиции предположительно отражен в письме Меншикова Петру I от 30 июня 1711 г., хотя сам термин «ландмилиция» здесь еще не употребляется.³¹ Царь в момент составления этого документа находился в Прутском походе против турок, поручив оборону Санкт-Петербурга и ведение войны со шведами своему фавориту. В этом письме Санкт-петербургский губернатор Меншиков сообщает о наборе в губернии для ее охранения трех драгунских полков. Меншиков уточняет, что он набирает одного драгуна с 10 дворов только на время войны с турками, поэтому помещики охотно отдают в службу своих крепостных, которые при этом не выходят из зависимости от помещика, как это обычно бывало при рекрутских наборах.

Набор был объявлен по самой тяжелой для населения норме – одного рекрута брали с 10 дворов. Только еще один раз в правление Петра I проводился набор по такой норме – в 1710 г. с Москвы и местностей на сто верст вокруг нее были собраны рекруты с 10 дворов, но при этом сразу оговаривалось, что для компенсации такой тяжести в будущем, 1711 г., с этих местностей рекрутского набора не будет вовсе. Трудности ландмилицкого набора в Санкт-Петербургской губернии, объявленного в 1711 г., были таковы, что еще и в 1720 г. он не был закончен. В распоряжении о начале этого губернского ландмилицкого набора оговаривалось, что помещик или вотчинник может не выставлять рекрут в этот набор, если сам поступит на службу в эти полки. Однако о службе в «ландмилицах» помещиков или вотчинников ничего не известно. Этот набор необычен тем, что он – единственный в истории рекрутских наборов в России, который был объявлен и велся губернскими, а не центральными властями.

Зачисленные в ландмилицию несли службу обычным для «даточных» в допетровской Руси способом – выезжали на службу на короткий период в относительно свободное от сельских работ время года. В чрезвычайной ситуации (нападение врага или сильная угроза такого нападения) они поголовно являлись на службу. Наиболее вероятно, что и снабжение их провиантом, мундиром, амуницией и даже вооружением также осуществлялось помещиком, которому ландмилицы продолжали принадлежать. Ввиду своей невысокой боеспособности ландмилицкие полки в Санкт-Петербургской губернии несли службу не полевых, а гарнизонных войск – охрана государственных объектов, казны и заключенных, борьба с бунтами и разбоями, посыльная служба, конвоирование рекрут и т. п. Петр I был хорошо осведомлен о состоянии дел в ландмилиции столичной губернии и одно время даже расширял ее состав. В 1716 г. он указал набрать в ландмилицию четвертый (Шепелев) полк с дислокацией в Ревеле. В свободное время этот полк должен был находиться на работах в том же Ревеле или в Кронштадте. Аналогично ландмилиция на Украине примерно в это же время привлекалась к строительству крепости в Киеве.

В начале 1719 г. активизировалась война с Швецией. В Балтийское море был введен флот враждебно настроенной к России Британии. Шведское правительство рассчитывало при поддержке своего нового союзника закончить войну на более выгодных для себя условиях. Одновременно влияние А.Д. Меншикова на Петра I ослабло. Очередные разоблачения воровства и злоупотреблений фаворита не спасали его уже от гнева царя.³² Необходимость пополнения полевой армии, недоверие к организатору Санкт-Петербургской ландмилиции и очевидная низкая боеспособность ландмилицев, этих полусолдат, которым их крепостная зависимость и сельские занятия мешали быть настоящими солдатами, послужили причинами ликвидации ландмилиции по всей стране – одновременно с ландмилицией Санкт-Петербургской была ликвидирована и Украинская ландмилиция. На юге сторонником существования ландмилиции из местных однодворцев был фельдмаршал Б.П. Шереметьев, командовавший Украинским корпусом. Он умер в 1718 г., незадолго до смерти вызвав гнев царя своей двусмысленной позицией в деле царевича Алексея. В 1723 г. ввиду турецкой угрозы Украинская ландмилиция была воссоздана. Первая же

по времени возникновения Санкт-Петербургская ландмилиция уже никогда больше не воссоздавалась.

Таким образом, на основе вновь вводимых в научный оборот документов фонда канцелярии Военной коллегии можно уточнить дату создания первых ландмилицких формирований русской армии. Очевидно, можно говорить о существовании до сих пор не отмеченной исследователями ландмилицкой группировки, самой ранней по времени создания в русской армии – Санкт-Петербургской ландмилиции (1711 – 1719 гг.).

Примечания

¹ От немецкого «Land» - земля, страна, здесь – население страны (в отличие от профессиональных военных), и от латинского «militia» - войско. «Ландмилиция» - войска, состоящие из «гражданских», а не из профессиональных военных. Поскольку военнослужащие ландмилиции – «гражданские», постольку они не могут находиться на военной службе долгое время, а фактически проходят только ежегодное обучение и являются на службу в чрезвычайных обстоятельствах.

² Хорошими примерами ландмилиции в Европе в это время считались австрийские гусары, несшие службу на границе с Турцией, и войска «индельты» в Швеции. В правление императрицы Анны Иоанновны Миних реорганизовал русскую ландмилицию по шведскому образцу. При Петре I использовался как австрийский (на Украине), так и шведский (на Балтике) опыт. О роли Миниха в реорганизации ландмилиции на юге России см.: Пенской В. В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII в. // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147 – 153.

³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 1 – 6. СПб., 1880 – 1901. Т. 3. Ч. 1. №№ 26, 83, 123, 174, 296, 325, 340; Ч. 2. №№ 433, 501, 562; Т. 4. Ч. 1. №№ 501, 541; Ч. 2. №№ 951, 1715; Т. 5. Ч. 1. №№ 591; Ч. 2. № 1139; Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание (далее: ПСЗ). Т. 5. № 2643; Рабинович М. Д. Полки петровской армии: 1698 – 1725 гг.: Краткий справочник. М., 1977. (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 48). С. 70 – 72.

⁴ ПСЗ. Т. 7. № 4138.

⁵ Там же. № 4191; № 4195; № 4200; № 4205; № 4223; Рабинович М. Д. Полки. С. 73.

⁶ Служащие ландмилиции, по установившемуся в XVIII веке обычаю, назывались не «ландмилиционерами», как можно ожидать по нормам современного русского языка, а «ландмилицами». Соответственно, говорили не «ландмилицейский» или «ландмилиционный», а «ландмилицкий». Особенности употребления этих слов в XVIII веке я и буду придерживаться далее.

⁷ Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 390; Иванов Д. Б. Ландмилицкое поветье Военной коллегии. 1719 - 1812 гг. // Государственность России. Государственные и церковные учреждения, сословные органы

местного самоуправления, единицы административно - территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года): Словарь-справочник. Кн. 3. Л – П. М., 2001. С. 12; Ильенко А. К. Комплектование вооружённых сил в России до 1802 г.: Исторический очерк // Столетие Военного министерства. 1802 – 1902 гг. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. СПб., 1902; Пенской В. В. Украинский ландмилицейский ; Цвиркун В. И. Ландмилиция // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 277.

⁸ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 6. М., 1838. С. 548.

⁹ Рабинович М. Д. Полки. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 72. И. И. Голиков и М. Д. Рабинович использовали один и тот же ещё не опубликованный документ из фонда Кабинета Петра I.

¹¹ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в эпоху Петра I. М., 2002. С. 43.

¹² Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. М., 2006. С. 90.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГ-ВИА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 532 – 538; Д. 10. Л. 93 – 100, 103, 363, 403 – 408; Оп. 2. Д. 23. Л. 81; Оп. 3. Д. 28. Л. 207.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 532 – 538.

¹⁵ Там же. Д. 10. Л. 93.

¹⁶ Там же. Л. 94.

¹⁷ Там же. Л. 97.

¹⁸ Там же. Л. 100.

¹⁹ Там же. Л. 403 – 408.

²⁰ Там же. Л. 103.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 81 – 82.

²² Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 363.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 560 – 561.

²⁴ Там же. Л. 608 – 609.

²⁵ Там же. Л. 563 – 564.

²⁶ Там же. Л. 579 – 582.

²⁷ Там же. Л. 593.

²⁸ Там же. Л. 597.

²⁹ Там же. Л. 598.

³⁰ Там же. Оп. 3. Д. 28. Л. 207.

³¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. М., 1964. С. 541 (комментарий к № 4503).

³² В начале 1719 г. глава комиссии по расследованию казнокрадства «светлейшего князя» П. М. Голицын грозил этому когда - то «полудержавному властелину» заключением под стражу за невозвращение в казну примерно 440 тысяч украденных им рублей (Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984. С. 102 – 103).